

RU

Синергия вербального и фотографического дискурсов
в лирике Льва Рубинштейна

Акопова Ю. А.

Аннотация. Цель исследования – теоретическое осмысление синергетического потенциала интердискурсивности на примере взаимодействия вербального и фотографического дискурсов в постмодернистской лирике. Научная новизна работы заключается в выявлении того, что при взаимодействии вербального и фотографического кодов в поэтическом тексте возникает гибридный дискурс, генерирующий новые уровни смысла. В статье анализируется стихотворный цикл Льва Рубинштейна, в котором фотографический дискурс оказывает глубинное влияние на поэтику, субъектность и семантику текста. Интеграция фотографического и вербального дискурсов в структуре лирического текста способствует образованию синергетического пространства смыслов, в котором взаимодействие различных семиотических кодов – языкового, визуального, документального – формирует многослойное восприятие поэтической реальности. Развивается мысль о том, что конвергенция различных дискурсов в произведении, в частности вербального и фотографического, дестабилизирует традиционные поэтические категории – времени, авторства, памяти – и порождает особый тип «лирического фото-образа», создавая новые модусы репрезентации и восприятия произведения. В результате исследования доказано, что интердискурсивность, являясь маркером синергетичности поэтического текста, способствует формированию энергетически насыщенного, динамического гипертекстового пространства стихотворения. Анализ подобных текстов, возникающих на стыке разных эстетических кодов и знаковых систем, требует учета их гибридной природы, способности к самоорганизации.

EN

Synergy of verbal and photographic discourses
in the poetry of Lev Rubinstein

Y. A. Akopova

Abstract. The aim of the research is to theoretically comprehend the synergistic potential of interdiscursivity, using the interaction of verbal and photographic discourses in postmodernist poetry as an example. The scientific novelty of the work lies in revealing that, when verbal and photographic codes interact in a poetic text, a hybrid discourse emerges, generating new levels of meaning. The article analyzes a cycle of poems by Lev Rubinstein, in which photographic discourse has a profound impact on the poetics, subjectivity, and semantics of the text. The integration of photographic and verbal discourses in the structure of the lyrical text contributes to the formation of a synergistic space of meanings, in which the interaction of various semiotic codes – linguistic, visual, documentary – forms a multilayered perception of poetic reality. The idea is developed that the convergence of different discourses in a work, in particular verbal and photographic, destabilizes traditional poetic categories – time, authorship, memory – and generates a special type of "lyrical photo-image," creating new modes of representation and perception of the work. As a result of the research, it is proven that interdiscursivity, being a marker of the synergistic nature of a poetic text, contributes to the formation of an energetically saturated, dynamic hypertext space of the poem. Analysis of such texts, arising at the intersection of different aesthetic codes and sign systems, requires taking into account their hybrid nature and ability to self-organization.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления природы поэтического текста в условиях постмодернистской культуры, характеризующейся активным взаимодействием разнородных дискурсов, включая визуальные. В условиях цифровой визуализации и медийной насыщенности семиосферы

особую значимость приобретает фотографический дискурс как форма фиксации и интерпретации реальности. Современная лирика все чаще функционирует на пересечении поэтического и фотографического языков, что требует новых исследовательских подходов. Междисциплинарное рассмотрение художественных текстов как явления семиосферы способствует более глубокому пониманию как эстетики постмодерна, так и процессов, происходящих в современной культуре.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- обосновать актуальность использования интердискурсивности как синергетической стратегии постмодернистской лирики;
- охарактеризовать специфику фотографического дискурса в контексте современной гуманитарной парадигмы;
- выявить способы репрезентации фотографического дискурса в поэтических текстах Л. Рубинштейна;
- проследить механизмы синергетического взаимодействия визуального и вербального кодов в анализируемых произведениях.

Материалом для исследования послужили репрезентирующие интеграцию фотографического в структуру поэтического текста «карточные» стихотворения Льва Рубинштейна, вошедшие в книгу «Регулярное письмо» (1995), «неконвенциональный» жанр которых в предисловии книги автор обозначает термином «текст» («Это я», «Меланхолическое письмо», «Я здесь»), эссеистика поэта.

Теоретическую базу исследования составляют труды отечественных и зарубежных исследователей в области теории литературы, философии, синергетики, теории дискурса. Понятие интердискурсивности, «дискурсивного комплекса» как механизма нелинейного взаимодействия различных смысловых систем, введенное в философии М. Фуко (2004), развивается в синергетике, в частности в применении к анализу современного нелинейного и самоорганизующегося литературного произведения. Так, в исследовании Н. С. Олизько (2009) подчеркивается, что современный художественный текст функционирует как нелинейная семиотическая система, организующаяся вокруг узлов смыслового сгущения – attractors, притягивающих интерпретации читателя. Возможность синергетического анализа художественного текста как «неравновесной» системы вытекает из положений философии нестабильности И. Р. Пригожина (1991). Методологическое значение для исследования «колоссальной энергии» различных языков семиосферы имеют исследования Ю. М. Лотмана (2000).

В рамках постструктуралистской парадигмы фотография и поэзия рассматриваются как дискурсивные практики, производящие культурные смыслы и структурирующие восприятие субъекта. Основанием для анализа взаимодействия фотографического и вербального дискурсов в контексте стихотворения служат концепции Р. Барта (1980) и С. Сонтага (1977) о природе фотографического дискурса. Фотография, как утверждает Барт, изначально встроена в культуру свидетельства, документальности и смерти. В книге “Camera Lucida” (Барт, 1980) автор рассматривает фотографию как объект, «пробуждающий память», но одновременно парализующий интерпретацию: «это было» – вот что, по его мнению, сообщает нам снимок. Этот эффект остановки, фрагмента, мгновенного взгляда идеально ложится на поэтическую структуру постмодернизма, построенную на незавершенности, фрагментарности, остраении. С. Сонтаг (1977), в свою очередь, акцентирует внимание на отчуждающей природе фотографического изображения: оно фиксирует, но не объясняет; предлагает зрителю роль потребителя, но не участника. Это парадоксальное сочетание визуального насыщения и семантической пустоты позволяет фотографии функционировать в качестве репрезентативной модели постмодернистской поэтики: фиксация без смысла, образ без центра, зрение без понимания.

В данном исследовании наряду с традиционными дескриптивно-аналитическими методами, описывающими и истолковывающими поэтический текст, были применены трансдисциплинарные синергетические методы, обусловленные специфической организацией постмодернистского поэтического текста, позволяющие анализировать в нем механизм смыслопорождения как следствие конвергенции различных семиотических систем.

Практическая значимость исследования состоит в накоплении методов анализа современных поэтических текстов, претендующих на статус гипертекстов, осмыслении синергетического потенциала интердискурсивности как одной из поэтических стратегий современной лирики. Выводы, сделанные в процессе исследования, могут быть применены в преподавании теории и истории отечественной литературы.

Обсуждение и результаты

Интердискурсивность – «стратегия смыслообразования», при которой текст, ориентированный на несколько знаковых систем, встраивает их элементы в свою семиотическую ткань (Олизько, 2009).

Современная постмодернистская поэзия формируется как интердискурсивное пространство, в котором происходит активное взаимодействие между различными культурными кодами, визуальными стратегиями и средствами фиксации опыта.

В условиях цифровой визуализации и медийной насыщенности особую значимость приобретает фотографический дискурс как форма фиксации и интерпретации реальности. М. Фуко (1994) указывает на смену режимов представления знания и информации, где визуальность («зрение») начинает играть доминирующую роль в культуре.

Фотография, по мнению Р. Барта (1980), представляет собой систему знаков, в которой пересекаются два регистра: “studium” и “punctum”. Первый – культурный, считываемый, рациональный; второй – личный, неожидан-

ный, травматический. Согласно Барту, фотография обладает способностью пробивать восприятие – через “punctum”, то есть неожиданный, нерационализируемый элемент изображения, вызывающий внутренний отклик.

С. Сонтаг (1977) трактует фотографию как парадоксальное сочетание документа и интерпретации, ментальной остановки времени и культурной симуляции. Фотографирование, по мнению Сонтаг (1977), является «практику не вмешательства» и в то же время символического овладения действительностью: «Фотографирование – это способ приобщиться к объекту, присвоить его».

Постмодернистская лирика, впитывая фотографическое, превращается в медиапространство взаимодействия разных форм дискурса, выходит за пределы словесного, в частности, создавая тексты, где визуальный регистр оказывает решающее воздействие на структуру и семантику текста. Так, «фототелескопическое мировидение» нашло отражение в лирике Ивана Жданова (Акопова, 2024; Шестакова, 2019).

Возможность внедрения фотографического дискурса в постмодернистскую лирику обусловлена дистанцированием современных поэтов от традиционного понимания лирического как выражения цельного «я»: субъект рассредоточен, ироничен, часто растворяется в дискурсивных масках. Ключевыми оказываются остановка времени, фиксация мимолетного состояния лирического субъекта (эффект «остановленного мгновения»), «кадровость», фрагментация в восприятии им реальности, что сближает лирику с фотографическим способом мышления.

Лирику поэта-концептуалиста Льва Рубинштейна (1947–2024) отличает синергичная структура, в которой взаимодействуют и взаимно усиливаются разные типы дискурсов – вербальный, визуальный, архивный, культурно-мнемонический. В предисловии к книге «Регулярное письмо» поэт подчеркивает интердискурсивную природу созданных им «текстов», жанр которых, как замечает автор, «является, в сущности, интержанром, соединяя в себе черты поэзии, прозы, драмы, визуальных искусств и перформанса» (Рубинштейн, 1996). Такое взаимодействие не сводится к простой имитации визуальности средствами слова: поэт создает гибридную семиотическую среду, в которой слово функционирует как «фотографическое» и одновременно метатекстуальное.

Синергия различных дискурсов проявляется как на формальном уровне (каталогизация, структура карточек, монтажные приемы, нарративная раскадровка) (Каминская, 2022), так и на уровне рецепции: читатель активизирует сразу несколько каналов восприятия – вербальный, визуальный, культурно-архивный (узнавание клише, исторических аллюзий). М. Фуко (1994) в работах о дискурсе указывает на то, как визуальные и речевые практики формируют субъекта через системы наблюдения и архивирования. Поэтика Рубинштейна – это своего рода поэтический «архив» в духе Фуко, где каждый текст выступает как экспонат, случайная находка или карточка в картотеке, несущая след наблюдения.

В лирике Рубинштейна (1996) фотографический дискурс явлен в жанре архивной карточки – в тексте «Это я» стихотворения имитируют фотоальбом:

4.

Это родители. Кажется в Кисловодске. Надпись: «1952».

7.

Галя с двумя котятками. Надпись: «Наш живой уголок».

9.

Рынок в Уфе. Надпись: «Рынок в Уфе. 1940 г.».

Такой формат отражает установку на фрагментацию опыта, «кадровую» структуру памяти. Фотоэффект возникает не через образ, а через форму организации текста: заголовки, даты, документальность, которые отсылают к логике «альбома» и «архива». Подобные фрагменты задают минималистскую вербальную структуру, воспроизводящую интонацию бытового комментария к фотографии. Словесный текст функционирует как подпись к мнимому визуальному образу, которого нет – тем самым создается отсутствующее присутствие изображения. Возникает эффект «пустой рамки», в которой фотография подразумевается, но не предъясняется. Это отсылает к бартовской концепции “punctum” – детали, которая «пронзает» (Барт, 1980), но при этом всегда ускользает от полного обозначения.

Структура карточек напоминает монтаж фото пленки или раскадровку: каждое высказывание – как стоп-кадр.

52.

И мы видим детский пальчик, неуверенно подбирающий на клавишах мелодию шубертовской «Форели».

53.

И надпись: «Терпенье, слава – две сестры, неведомых одна другой. Молчи, скрывайся до поры, пока не вызовут на бой».

54.

И мы различаем в полумраке силуэт огромной крысы, обнюхивающей лицо спящего ребенка.

55.

Это я (Рубинштейн, 1996).

Вербальный дискурс имитирует «спонтанную» речь, но намеренно фрагментирован – нарушена линейность. Ключевым структурным элементом поэтики Рубинштейна становится механизм фиксации и последовательности, аналогичный съемке, – неслучайно его «карточки» напоминают фото пленку. Каждый кадр-реплика зафиксирован в линейной развертке. Эта техника наглядно демонстрирует синергетическую природу текста, в котором линейность сочетается с мозаичностью (визуально-фрагментарной).

В эссе «О том, чего не было» Рубинштейн замечает, что для него важна именно «визуальная составляющая» подобных текстов, которые нельзя «читать» в прямом смысле этого слова, а надо «листать», как фотоальбом, так как это «визуальная вещь». «Перелистывание» поэтического «фотоальбома» создает особый

ритм, объединяя разрозненные тексты: «любой фотоальбом... – это альбом семейный» и все лица в нем так или иначе «поселились в нашем доме» (Рубинштейн, 2013). «Листание» альбома, своего или чужого, занятие «медитативное и умиротворяющее», в котором в воспринимающем сознании парадоксально совпадают «отстранение» (то, что было), присутствие («Это я»).

Подобно тому, как фотографии «неутомимо призывают к дедукции, спекуляции, работе воображения», тем самым «вырывая вещи из контекста (чтобы увидеть их свежим взглядом) и объединить... в соответствии с настоящими, но часто произвольными субъективными потребностями» (Сонтаг, 1977), прерывистые, «дробящиеся» тексты Рубинштейна «ранят», «делают больно», «пронзают», «ударяют» (Барт, 1980) воспринимающее сознание паузами, пустотами, зонами «с выключенным языком» (Курицын, 1995), которые становятся не менее важными элементами, чем слова. Это именно тот бартовский “*ripstun*”, который поражает читателя на личном уровне, возвращает к опознанию «всем своим телом» (Барт, 1980) глубинного ощущения собственных переживаний и который нельзя выразить до конца в тексте, потому что он дает прямой выход к дословесному. В стихотворениях Рубинштейна (1996) именно паузы, а не слова неизменно погружают читателя-зрителя после медитации над «снимком»-стихом в экзистенциальное измерение: молодость, смерть, память:

11.

А это отец в пижаме и с тяпкой в руке. Надпись: «Кипит работа». Почерк мой.

12.

Мама с глухой портнихой Татьяна. Обе в купальниках. Надпись: «Жарко. Лето 54».

13.

А это я в трусах и майке.

Фрагментированный текст фиксирует некие моменты реальности с помощью нейтральных реплик, но структура восприятия текста – визуально-монтажная. В одном поэтическом акте сходятся текст, образ и культурная память – как бы накладываются друг на друга, формируя многослойное семиотическое поле. Это и есть эффект синергии: новые значения рождаются не из одного канала (словесного), а из их взаимного сопряжения.

Синергия вербального и фотографического дискурсов в стихотворениях Рубинштейна воздействует и на «местоположение» в тексте и самоощущение лирического субъекта.

Текст «Это я» начинается с указания лирического субъекта на самого себя, и затем его присутствие многократно фиксируется:

1.

Это я.

2.

Это тоже я.

3.

И это я (Рубинштейн, 1996).

В то же время лирическое «я» «размывается» указанием на множество, на первый взгляд, совершенно не связанных с ним предметов:

61.

И дрожит большой серебряный самовар в руках пьяного военного врача.

62.

И слегка подрагивает блестящий клюв большой черной птицы, неподвижно сидящей на голове гипсового бюста античной богини.

63.

Это всё я (Рубинштейн, 1996).

Лирический субъект Рубинштейна пребывает не внутри текста или изображения, а в их напряженном синергическом взаимодействии. Все, что окружает лирическое «я», выхваченные его зрением предметные детали реальности, лица, заполняют его внутренний мир, являют разные стороны его личности. Подобная динамическая модель лирического субъекта принципиальна для постмодернистской поэзии как пространства разомкнутых идентичностей.

В тексте «Я здесь» лирический субъект рефлексировать по поводу того, что позиция «архиватора» раздвигает «границы общепринятого» и приближает к моменту, когда наблюдение и тотальное разрозненное «собирачество» может привести к тому, что «погаснут последние звезды», то есть к потере смысла жизни (Рубинштейн, 1996). Но в то же время он не может отказаться от стратегии «фотографировать» мир, ведь именно в этом процессе проявляется его связь с реальностью и «лицами», его окружающими:

11.

Итак...

12.

Итак, я здесь! Что может быть

Прекрасней того волшебного...

13.

...Что может быть волшебней...

14.

...того прекрасного...

15.

*(И голова как будто бы прошла, и
Легче дышится, и вообще*

16.

Полегче) (Рубинштейн, 1996).

Поэтический эксперимент Рубинштейна являет уникальный потенциал художественного дискурса, открытого к взаимодействию с различными знаковыми системами, ориентированного на достижение трансцендентной истины.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Анализ взаимодействия вербального и фотографического дискурсов в «текстах», в поэтическом «интержанре» Л. Рубинштейна свидетельствует о том, что одной из стратегий современного стихотворчества является интердискурсивность, воздействующая на структуру поэтического текста, порождающая нелинейную самоорганизующуюся систему произведения.

Поэтика Льва Рубинштейна демонстрирует сложное взаимодействие визуального и вербального как синергетическую систему, в которой каждый элемент усиливает и модифицирует другой. В текстах Рубинштейна фотография функционирует как эпистемологическая матрица, определяющая границы видимого, вспоминаемого, поддающегося словесной фиксации. В то же время вербальный дискурс фиксирует не присутствие, а отсутствие как единственную возможную форму достоверности.

Включение фотографического дискурса реализуется как механизм поэтической археологии, где текст фиксирует не образ, а след утраты образа, не воспоминание, а архив дисперсий памяти.

В дискурсивном поле активного взаимодействия вербального и фотографического дискурсов возникает эффект разорванной идентичности: лирический субъект перестает совпадать с самим собой, «я» на «карточке» не совпадает с «я» говорящего. Текст является действием памяти, не гарантирующей идентичность, но производящей эффект узнавания.

Упоминание фотографий, альбомов, надписей, подписей оформляет поэтику как архивную, в то же время в контексте произведения не поддающуюся окончательной фиксации, что «ранит» читателя-зрителя и эмоционально вовлекает в бесконечное продуцирование экзистенциального смысла. Генераторами смысла в произведении становятся паузы, разрыв, фрагментация. В поэтическом контексте «punctum» фотографического дискурса проявляется как внезапная смысловая или образная вспышка – сдвиг, создающий эффект подлинности, сопряженной с личной памятью.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать исследование постмодернистских текстов с точки зрения синергетического взаимодействия в них вербального дискурса с различными семиотическими системами, что углубляет представление о специфике современного художественного мышления.

Материалы исследования | Research materials

1. Рубинштейн Л. Регулярное письмо. Стихи. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. <https://vavilon.ru/texts/rubinstein/1-13.html>
2. Рубинштейн Л. Скопее всего. М.: АСТ; CORPUS, 2013. <https://libking.ru/books/other/1106776-lev-rubinshtejn-skoree-vsego.html>

Источники | References

1. Акопова Ю. А. Маркеры синергетичности в современном поэтическом дискурсе (на примере лирики И. Жданова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 8. <https://doi.org/10.30853/phil20240404>
2. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. 1980. http://library.compasscollege.art/images/Covers/Bart_Camera_lucida.pdf
3. Каминская Ю. В. Письмо на карточках в эстетике Л. Рубинштейна: генезис, биография, социокультурный контекст // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482.
4. Курицын В. Данный момент (О сочинении Л. С. Рубинштейна «Программа совместных переживаний», 1981) // Новое литературное обозрение. 1995. № 16.
5. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000.
6. Олизько Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе: дисс. ... д. филол. н. Челябинск, 2009.
7. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6.

8. Сонтаг С. О фотографии. 1977. <https://www.litres.ru/book/suzen-sontag/o-fotografii-4954726/chitat-onlayn/?ysclid=mdrp4dpm6y305291809>
9. Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия; Университетская книга, 2004.
10. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-Сад, 1994.
11. Шестакова И. В. Фотообразы в поэзии Жданова // Культура и текст. 2019. № 2.

Информация об авторах | Author information

Акопова Юлия Алексеевна¹, к. филол. н.

¹ Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

Yuliya Alekseevna Akopova¹, PhD

¹ Rostov State University of Economics

¹ yua@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 31.07.2025; опубликовано online (published online): 27.08.2025.

Ключевые слова (keywords): интердискурсивность; фотографический дискурс; лирический фотообраз; синергетический поэтический дискурс; Лев Рубинштейн; interdiscursivity; photographic discourse; lyrical photo-image; synergistic poetic discourse; Lev Rubinstein.